5

Жизнь требует от человека деяний, подвигов, силы, красоты

М. Горький

Типическое у Горького

Двадцать лет назад, 18 июня 1936 года, умер великий русский писатель — родоначальник пролетарской литературы А. М. Горький.

В теоретическом наследии Горького большое и важное по содержанию место занимает проблема типизации. Рассмотрение ее в связи с художественным творчеством великого писателя хотя бы на примерах одной драматургии представляет большой интерес. Этот интерес в особенности усиливается сейчас, когда вокруг проблемы типизации в искусстве и, в частности, в литературе и театре должна развернуться большая дискуссия, которая, несомненно, поможет росту мастерства советских писателей и драматургов. Прежде всего от умения типизировать зависит и глубина обобщения и сила идейно-художественного воздействия искусства.

Именно типизация является одной из наиболее сильных сторон творчества Горького, считавшего, что «материалом художественной литературы служит человек со всем разнообразием его стремлений, деяний, человек в процессе его роста или разрушения». Можно спорить о действенности в драматургии Горького или об увлекательности сюжетов его пьес, но неоспорима человеческая, социальная глубина горьковских драматургических характеров. Не случайно Вл. И. Немирович-Данченко писал, что, изображая «кусок эпохи в крепчайшей политической установке», Горький раскрывает эпоху «не цепью внешних событий, а через характерную группу художественных портретов, расставленных, как в умной шахматной композиции». Горьковские художественные портреты олицетворяют каждый раз целые пласты общества или отдельные его прослойки. Горьковские персонажи определяют богатство социально-исторического содержания его произведений. И учиться у Горького — это во многом означает учиться типизировать.

По мнению Горького, литературные типы создаются «по законам абстракции и конкретизации». Чтобы понять, какой смысл вкладывал Горький в эти законы, необходимо вдумываться во многие его высказывания, посвященные творческому процессу, не отрывая, конечно, горьковских теоретических положений от его собственной художественной практики.

Человеческий характер, как продукт окружающей среды, имеет социальную основу. Это материалистическое положение пронизывает горьковскую теоретическую мысль, проявляясь прежде всего в горьковских художественных образах. Рабочий Нил и мещанин Бессеменов, либерал Захар Бардин и охранитель реакционных устоев Николай Скроботов, цивилизованный варвар Черкун и обыкновенная женщина Надежда Монахова, принадлежа к различным кругам общества, различны между собой и противоположны, как противоположна по своим общественным интересам их среда. Для того чтобы создать тип лавочника, чиновника или рабочего, Горький считал необходимым отобрать «наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т. д.». Таково первое условие искусства, создающего не фотографию человека, а тип.

Важно обратить внимание на то, что Горький. требует изучения не только «черт» и «верований», но и многих иных свойств определенной категории людей, вплоть до хода речи и жестов. Уже одно это не может не помочь избежать схематизма, рационалистичности в создании художественного образа. Однако в своих требованиях к художнику, в частности к писателю, Горький идет гораздо дальше.

Горький неоднократно выступал против «грубой шаблонности» характеристики людей по «классовому признаку». Он утверждает, что один только «классовый признак» еще не дает «живого, цельного человека, художественно оформленный характер». Широко известны и все-таки часто в художественной практике не принимаются во внимание остроумные слова Горького, высказанные им по поводу драматургии, но равно относящиеся ко всем иным видам и родам литературы и искусства: «Классовый признак» не следует наклеивать человеку извне, на лицо, как это делается у нас; классовый признак не бородавка, это нечто очень внутреннее, нервно-мозговое, биологическое. Задача серьезного писателя — построить пьесу на фигурах художественно убедительных, добиться той «правды искусства», которая глубоко волнует и способна перевоспитать зрителя».

Одними лишь классовыми признаками, действительно, никак не ограничивались черты самых определенных и ясных по своей целеустремленности героев горьковских драматических произведений, таких, как Мария Львовна в «Дачниках», женщина, ведущая революционную работу в глубоком подполье, или Васса Железнова, принадлежащая к миру «хозяев», собственников. Решительная, энергическая по натуре, прямая и смелая в столкновениях со своими противниками, Мария Львовна робка в своей любви к Власу, одинока и неустроена в своей личной жизни. И в этом сказывается сложность ее жизненного пути, ее характера, отрешенного от многих человеческих радостей. Властолюбивая, хищная Васса, рабски преданная своему «миллионному» делу, способная на бесстыдное предательство, может на минуту понять преимущества жизни бедняков, может вдруг потянуться к своему идейному врагу — революционерке Рашели, почуяв в ней настоящего человека. И в этом сказывается сложность биографии Вассы, биографии тяжелой, протекавшей в кошмарном быту «железновых».

Своя, особая биография человека, героя, всегда необычайно важна для Горького — художника, умеющего видеть и передавать самые тонкие различия и особенности людских характеров. Горький требовал, чтобы в «каждой изображаемой единице» писатель умел найти, «кроме общеклассового, тот индивидуальный стержень, который наиболее характерен для нее и в конечном счете определяет ее социальное поведение». Более того, неоднократно призывая к созданию характеров, сложных и противоречивых, отражающих бурный ход исторического процесса, Горький утверждал, что отдельная личность может вступить в разлад со своим классовым признаком. И иногда в произведениях Горького индивидуальные черты человека на первый взгляд кажутся несоответствующими социально-политической основе типа.

Мысли Горького по поводу классового и индивидуального очень важны для понимания сущности горьковских героев, в частности персонажей его драматургии. Они имеют огромное значение и для борьбы с вульгарным социологизмом и схематизмом в искусстве, к сожалению, и ныне еще проявляющимися в практике советской драматургии и театра. Ведь, действительно, вне изображения неповторимых человеческих индивидуальностей четкие по социальной сущности фигуры в произведениях искусства становятся стереотипными, теряют привлекательность. Они не заставляют читателя или зрителя любить или ненавидеть их, как живых людей, без чего нет истинного восприятия искусства.

Именно благодаря умению Горького индивидуализировать типизация в его творчестве никогда не приводила к однозначности характеров и образов. Наоборот, Горький любил создавать фигуры людей, в чьих умах и душах идет сложный процесс, происходят столкновения необычайной силы. Таков, например, бунтующий Егор Булычов, — этот, по выражению Горького, «кающийся купец», человек, «выломившийся» из своей среды и осмеивающий традиции своего класса. Булычов ищет смысл жизни и испытывает при этом трагическую ломку мировоззрения. Он понял, что прожил жизнь «не на той улице», «все с чужими». Это не освободило Булычова от черт его класса, но придало неповторимость его характеру, его типу. В результате в образе Булычова оказались отраженными не только так называемые «общие черты» исторического процесса, за которыми писатели часто прячут свое незнание жизни, но подлинно живая действительность во всем многообразии ее проявлений, тенденций, связей.

Говоря о сложности и многогранности горьковских характеров, необходимо вспомнить о горьковском понимании преувеличения в искусстве. Горький не раз говорил о праве искусства преувеличивать социальные явления — и положительные и отрицательные. Он писал, что Геркулесы, Прометеи, дон-Кихоты, Фаусты — не «плоды фантазии», а вполне закономерное и необходимое поэтическое преувеличение реальных фактов, что и нашего реального, живого героя следует изображать еще более крупным и ярким, и видел в этом не только требование жизни, но и социалистического реализма.

В частности, создание характеров в драматургии, по мнению Горького, сводится к тому, что драматург углубляет и расширяет какое-либо из человеческих качеств, придает ему остроту и яркость, делает его для той или иной фигуры пьесы главным и определяющим.

Но подобное преувеличение у героев Горького никогда не приводило к сужению человеческого образа. Даже такие социально ясные по своему содержанию типы, как Достигаев, или такие сравнительно небольшие эпизодические персонажи, как монашенка Таисья или Антонина Достигаева, выписаны Горьким с применением всех законов словесной живописи, светотени. О каждом горьковском герое можно рассказать очень многое: они всегда живые. В этом отношении Горький, как и во многом ином, поистине унаследовал эстетические взгляды русских теоретиков, в частности Чернышевского, отвергавшего изображение в искусстве «квинт-эссенции» человеческих качеств вместо самих людей.

Объединение в одном литературном типе, в одном образе отвлеченных черт многих людей — для Горького большой и сложный творческий процесс, который сам художник сравнивал с построением башен или колоколен из отдельных кирпичей. Горький рассказывает, что для того чтобы написать «Фому Гордеева», он должен был видеть не один десяток купеческих сыновей. Описав лишь одного знакомого ему лавочника, чиновника, рабочего, считал Горький, писатель сделает лишь более или менее удачную фотографию одного человека и «она почти ничего не даст для расширения, углубления нашего познания о человеке, о жизни».

И Горький, ярый противник предвзятого, рационалистического построения художественного образа, постоянно повторяет, что материалом для идей служит наблюдение, сравнение, изучение — в конце концов: факты, факты! Когда он во «Врагах» показывает нарастание революционного движения или в «Дачниках»—размежевание российской интеллигенции, он действительно раскрывает исторический процесс во всем его многообразии, а не ограничивается обрисовкой только одного —пусть главного! — антагонистического конфликта, олицетворяемого в двух четко разграниченных лагерях. Нет, во «Врагах», в простом и вместе с тем удивительно емком сюжете, мы находим многие и многие звенья вражеского лагеря, встречаем разные характеры рабочих-революционеров, а по «Дачникам» можем проследить всю эволюцию разночинной интеллигенции накануне первой русской революции. Это происходит потому, что галерея типов, галерея действующих лиц у Горького богата и разносторонна. Поэтому же пьесы Горького и становятся своеобразной художественной энциклопедией общественной жизни.

Горький подчеркивает важность внимания к фактам, но и в этом у него нет никакого упрощения. Он — противник фактографии в искусстве. Двумя мощными творческими силами он считает познание и воображение. Выдумка в искусстве, по Горькому, и уместна и полезна, если она совершенствует изображение, чтобы придать ему наибольшую убедительность, углубить его смысл, чтобы показать его социальную обоснованность и неизбежность. И Горький считает обязанностью писателя «домысливать» человека, прививая, приписывая «единице» наиболее характерные черты ее класса. Как важно это для нашего сегодняшнего искусства, где художники часто не выходят за пределы бытовой достоверности, отождествляя понятия жизненной реальности и реализма!

Принципы горьковской типизации ждут своего глубокого и всестороннего изучения. И чем скорее будет выполнена эта задача, тем ощутимее станут сила и ценность замечательного горьковского теоретического и художественного наследия в борьбе за подъем современной советской литературы и, в частности — драматургии.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО.

Плакат художника И. Гринштейна. Изогиз.

Он учил видеть будущее

25 мая 1910 года в связи со столетием революции, давшей Аргентине политическую независимость, популярный журнал «Карас и Каретас», основанный писателем Фрай Мочо, поместил в своем юбилейном номере высказывания различных выдающихся деятелей по поводу этого события. Были здесь и слова Максима Горького. Жаль, что под рукой у меня нет текста, чтобы привести эти слова, но смысл их заключался в следующем: Аргентина призвана возглавить борьбу Латинской Америки против господства иностранных монополий.

Верно говорят, что поэты дальновидны. Горький, который сказал, что надо учиться смотреть вперед, сам владел наукой предвидения. Острое чутье художника позволило ему предугадать противоречия, назревшие на американском континенте.

Приблизительно в тот же период в Буэнос-Айресе появились произведения Горького на испанском языке. Его роман «Мать» произвел особенно сильное впечатление как на аргентинскую интеллигенцию и литераторов, так и на простой народ.

В Аргентине появились писатели, которых увлекли темы, поднятые Горьким, его стиль; они решили следовать по пути великого писателя.

Горький был последним русским писателем, которого узнал в этот период аргентинский читатель. К тому времени мы уже были знакомы с творчеством Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова.

Вначале наши читатели знакомились с творчеством Горького по неважно переведенным отрывкам, но вскоре мы читали его произведения полностью в переводах, сделанных в Аргентине. Широко известна и пользуется большим влиянием боевая публицистика писателя, его антивоенные статьи, а также статьи о новой эстетике.

Совсем недавно журнал «Куадернос де культура» выпустил сборник публицистических и литературных статей Горького под названием «Литература и жизнь».

Популярна у нас и драматургия Горького. Несколько лет назад театр «Ла маскара» поставил его пьесу «На дне».

В настоящее время одно из издательств Буэнос-Айреса готовит выпуск на испанском языке собрания драматургических произведений Горького.

Горького у нас не только читают; ему посвящены многие труды. В 1925 году писатель Алехандро Кастиньейрас выпустил книгу о жизни и творчестве Горького. Насколько мне известно, она была первым исследованием о великом писателе, опубликованным на испанском языке.

В 1936 году, узнав о смерти Горького, Объединение интеллигенции провело волнующий митинг.

В связи с двадцатилетием со дня смерти Горького литературное отделение Института культурных связей Аргентины — СССР готовит торжественные собрания, посвященные этой дате. Творчество Горького, полное любви к человеку, жизнеутверждающее и боевое, будет и впредь оказывать плодотворное влияние на аргентинский народ.

Рауль ЛАРРА,
аргентинский писатель.

„Дети солнца" в Таджикистане

Сцена из первого действия. Лиза — М. Ярцева; Протасов — Н. Волчков.

Фото Л. РАСКИНА.

Большим успехом у жителей Сталинабада пользуется спектакль Русского драматического театра имени В. Маяковского «Дети солнца» М. Горького. С особым одобрением относятся зрители к артисту Н. Волчкову в роли Протасова, молодой артистке М. Ярцевой в роли Лизы, опытному артисту М. Закруткину в роли Чепурного. Спектакль неоднократно показывался и в других городах и районных центрах Таджикистана, и везде рабочие и колхозники с интересом принимали его. Спектакль, как правило, идет при полном зрительном зале.

ДРУЖБА ВЕЛИКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

На титульном листе повести «Дело Артамоновых» можно прочитать надпись: «Ромэну Роллану, человеку, поэту»...

Многолетняя дружба связывала Горького и Роллана, дружба, возникшая в результате мужественной и целеустремленной борьбы обоих писателей против милитаризма, в защиту культуры и свободы человечества.

Выдающиеся сыновья двух народов — русского и французского — начали свою переписку в период первой мировой войны, когда Роллан вместе с Шарлем Пеги издавал «Двухнедельные тетради» В редакционной комнате издателей и учредителей журнала висел портрет, на котором Горький был снят с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне.

Горький являлся для Роллана живым символом нового, революционного мира. В период гонений со стороны реакционного правительства, гонений, вызванных бесстрашными выступлениями Роллана против войны, за мир и культурное единение между народами, французский писатель обрел идеал страны и общества в СССР. Не раз приходилось писателю отстаивать в печати правду об СССР, обличать правительственную прессу в клевете на Советский Союз. В статье «Приветствие Горькому» Ромэн Роллан писал: «Почва кругом меня была истощена и иссушена. Но я протянул свои корни и достиг подпочвы Европы, плодородных пластов русского народа, необъятной жизни, пробужденной в глубинах СССР. Как раз в конце этой подземной работы мои корни встретились с корнями Горького, и они братски сплелись с ними».

Пример Горького, писателя, отдавшего весь свой талант, всю свою душу революционному рабочему классу России, являлся могучим источником силы для многих и многих зарубежных писателей. Роллан был благодарен русскому пролетарскому писателю за то, что его жизнь и его творчество помогали ему, французскому писателю, бороться с «ярмаркой на площади», то есть с искусством растленным, упадочным, помогали ему обрести ту внутреннюю свободу, к которой он всемерно стремился. Позиция непримиримой борьбы с милитаристским озверением и шовинизмом более всего привлекала Горького в Роллане и способствовала укреплению их близких отношений.

А. М. Горький высоко ценил общественно-публицистическую деятельность Роллана, восхищался его глубокими философскими произведениями. «Для меня Р. Роллан уже давно Лев Толстой Франции», — писал Горький в статье «О Ромэне Роллане» в июне 1927 года. Полны высоких идей и горячего человеческого чувства письма Горького к Ромэну Роллану, опубликованные в последних томах недавно законченного 30-томного собрания сочинений Горького.

Отношение Р. Роллана к В. И. Ленину было еще более важно для укрепления духовной близости между двумя писателями. А. М. Горький неоднократно в русской и зарубежной прессе воспроизводил выдержки из статьи Роллана «Великий кормчий», написанной в 1924 году. Горький снова и снова подчеркивает независимую позицию Роллана: «Нужно обладать крепкой верой в свою правду, чтобы в те дни, когда тысячи отживших людей, обрадованных смертью Ленина, злорадно ликовали, сказать им спокойно и кратко: «Ленин— самый великий человек дела нашего века и самый бескорыстный». В статьях «О белоэмигрантской литературе» и «О разных разностях» Горький повторяет эти слова Р. Роллана, да и позднее он неоднократно цитирует статью «Великий кормчий», посвященную делу Ленина, делу рабочего класса.

Долгие годы дружба Роллана и Горького была заочной. Еще в 1926 году Горький писал: «Я никогда не видел его, но думаю, что глаза Роллана спокойны и печальны, а голос тих, но тверд.

И я счастлив знать, что во Франции, любимой мною с детства моего, есть такой прекрасный человек и такой сердечный художник, как Р. Роллан».

Пути Горького и Роллана постоянно переплетались, хотя лично они познакомились лишь в 1935 году, когда Роллан приезжал в СССР и гостил у Горького. Эти пути пересекались на международных конгрессах в борьбе за культуру, против войны. На Амстердамском конгрессе в 1932 году прозвучали выступления Роллана и Горького, определившие работу этого конгресса. То же самое можно сказать о знаменитом международном конгрессе в защиту культуры, проходившем в июне 1935 года в Париже. Роллан в то время гостил у Горького, и оба они выступили со своими приветствиями конгрессу. Переплетались эти пути и в постоянном, непрерывном общении с деятелями культуры, которые обращались за советами к М. Горькому и Р. Роллану.

Горький, как и Роллан, близко к сердцу принимал каждое событие в мире. Не удивительно поэтому, что в переписке Горького с Ролланом можно найти и сообщения о победах горняков шахты «Наклонная ветка» и разговор о проблемах печати и нового искусства, о философии Ганди, о «драме Есенина», о борьбе народов Китая и Японии против империалистов и т. д.

Разумеется, взаимовлияние Горького и Роллана определялось не только общественно-политическими их интересами. Крупнейшие мастера слова, Роллан и Горький часто обращались к вопросам литературы и постоянно обменивались своими суждениями о тех или иных произведениях.

Роллан видел в Горьком величайшего художника современности. В искусстве Горького Роллана привлекала какая-то особая, «удивительная ясность взора, отличающая его среди других больших русских писателей. Его глаз подобен озеру, в котором все явления — люди, вещи — отражаются более ясными, яркими и выразительными, чем они есть в действительности. Его сетчатка сохраняет неизменными образы, виденные и десять и тридцать лет назад. Эта чудесная ясность взора в бурях мысли — богатый природный дар».

Горький встретил с восхищением, можно сказать, бурно, радостно, появление «Кола Брюньона». В письме от 13 января 1923 года Горький писал: «Какую прекрасную книгу сделали Вы, дорогой друг! Вот, поистине, создание галльского гения, воскрешающее лучшие традиции Вашей литературы! Я читал ее, смеялся, почти плакал от радости и думал: как своевременна эта яркая, веселая книга во дни общего смятения духа, в эти дни темного безумия и злобы.

Книга — поет. Гибкой и сильной рукою мастера Вы так вылепили Вашего бургундца, что я физически ощущаю его бытие».

Сам Горький внимательно прислушивался к оценкам своих книг со стороны Р. Роллана. В письме от 30 января 1933 года Горький соглашается с Ролланом, который метко судил о Самгине, как о человеке, которого убедили, что он таков, какой он есть. Из этой литературной беседы возникает снова образ современной Горькому и Роллану продажной буржуазии: «Сначала его (Самгина. — Л. Ф.) убедили в этом, затем он сам начал убеждать себя в своей исключительности и вот, начиная с 906 г. до сего дня, когда я наблюдаю неприличную драму эмигрантов, я вижу этот процесс самообмана, может быть, нужно сказать — самонадувательства».

А. М. Горький «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира» (Ленин) и был одним из активнейших деятелей мировой прогрессивной литературы. Вот почему так крепки были его связи с лучшими представителями зарубежной литературы, среди которых одно из самых первых мест занимает великий сын французского народа — Роллан.

Дружба Горького и Роллана, их взаимосвязи и взаимовлияние — замечательная традиция, которая сегодня развивается советской литературой, вовлекающей в круг культурного содружества писателей всего мира.

Л. ФОМЕНКО.
кандидат филологических наук.

В СОРРЕНТО

ВОСПОМИНАНИЯ

В КОНЦЕ 1927 года три молодых поэта — А. Безыменский, И. Уткин и я приехали в Италию. Оказавшись в Риме, мы решили съездить к А. М. Горькому.

Он жил тогда в Сорренто. Товарищи из нашего посольства сказали:

— Алексей Максимович был тяжело болен. Теперь он поправляется, но все же пока неудобно его беспокоить...

— Что же делать?

— Если нельзя увидеть Горького, то, вероятно, можно хотя бы приветствие ему послать с пожеланием доброго здоровья.

И мы послали в Сорренто телеграмму за тремя подписями. А на следующий день к радости своей получили ответ: «Дорогие ребятки, приезжайте ко мне немедленно. Горький».

В тот же день мы очутились в Сорренто.

На высоком холме, заросшем лимонными и апельсиновыми деревьями, остановились мы в маленькой гостинице с вывеской «Минерва». Был уже вечер. Долго смотрели на звездное небо, на видневшийся вдали Неаполитанский залив, освещенный отблесками небольшого пламени. Это было пламя вулкана Везувий, проявлявшего тогда активность. В темной зелени по ту сторону дороги увидели свет в окнах двухэтажного дома. Там жил Горький.

Мы не сводили глаз с этих окон, скрывая друг от друга волнение, охватившее каждого из нас.

— Интересно, когда нас примет Алексей Максимович?

— Может быть, завтра! Приготовимся же, чтобы предстать перед ним в достойном виде.

И мы стали готовиться: почистили от дорожной пыли свои пиджаки, брюки бережно расправили, по-студенчески положили под матрацы, чтобы разгладились к утру хорошенько. Свежие рубашки и новые галстуки разложили на столе.

— Встанем завтра пораньше и будем терпеливо ждать.

Но мы не могли заснуть, хотя лежали тихо, молча... Вдруг раздался стук в нашу дверь.

— Кто там? — спросил Безыменский.

Мы с Уткиным рассмеялись: смешно спрашивать по-русски «кто там?» в итальянской гостинице. Однако, как ни странно, ответ был дан тоже по-русски. Басовито, с ударением на «о» прозвучал мужской голос:

— Откройте!.. Свои!..

Открылась дверь. И на пороге нашей комнаты мы увидели высокого человека в голубой фланелевой рубашке без галстука, в зеленых туфлях. У меня потемнело в глазах, когда я остановил взгляд на серебряном ежике волос, на опущенных книзу чуть рыжеватых усах, таких больших и таких знакомых... Перед нами был Горький! Мы замерли от удивления. Никто из нас не мог ничего вымолвить. А Алексей Максимович подходил к каждому из нас и по-отечески мягко говорил приблизительно так:

— Ну, давайте поцелуемся!.. Здравствуйте!.. И вставайте поскорее, одевайтесь. Поедемте ко мне ужинать.

За ужином мы поинтересовались подробностями провокационного налета на дом Горького. Налет был учинен незадолго до нашего приезда в Италию тогдашними фашистскими властями. Алексей Максимович с убийственной иронией рассказывал об этом.

— Жандармские чины весьма усердно, чуть ли не до утра копались в моем доме, разыскивая «спрятанные бомбы и орудия»...

Как-то он рассказывал нам о своем большом впечатлении от встреч с военными моряками советских кораблей, заходивших в итальянские порты.

— Я душевно рад, — говорил он, — большому потоку писем, идущему ко мне из России, а еще более рад живой связи с Родиной через матросов наших и командиров. Это новые люди, небывалые люди! Я любуюсь ими.

Алексей Максимович охотно беседовал с нами на самые различные темы.

Однажды зашла речь о тогдашней моде на необыкновенные имена, которыми многие родители нарекали своих младенцев.

— Какие же это имена? — спросил Горький.

— Девочек, например, называют: Электрина, Тракторина, Серпина, а иногда — Жозефина или еще что-нибудь другое в «заграничном» духе.

Алексей Максимович посмеялся над этим, потом сказал:

— Это все от лукавого... Тут я предпочитаю быть старомодным. Думаю, что не нужно индустрию в имена вводить... Индустрия сама по себе, а имена сами по себе. Незачем также заимствовать имена у иностранцев. Заимствовать следует то, что необходимо. С какой это стати Ивановым да Петровым называться Альбертами, Арнольдами или Archibaldами? Это крайне неестественно...

— Алексей Максимович, — спросил я, — а как зовут ваших внучек?

— По-русски зовут: Дарья и Марфа. — И Горький представил нам обеих малюток.

Он говорил о необходимости уважать обычаи и традиции своего народа, — те обычаи и те традиции, которые не мешают новой жизни.

На одной из прогулок по берегу залива мы сидели вместе с ним на прибрежных камнях, восхищаясь красками моря и неба, зеленью холмов, особенно удивительной для нас, ибо была зима.

Я не смог сдержать восторга:

— Алексей Максимович, а, пожалуй, на земле и нет другого такого благодатного места, как южная Италия.

Он нахмурился и вдруг спросил:

— А вы «Фрегат «Паллада» Гончарова читали?

— Читал.

— Ну вот... вспомните, что писал герой этой книги друзьям на снежную родину с острова Мадейра — острова вечной весны.

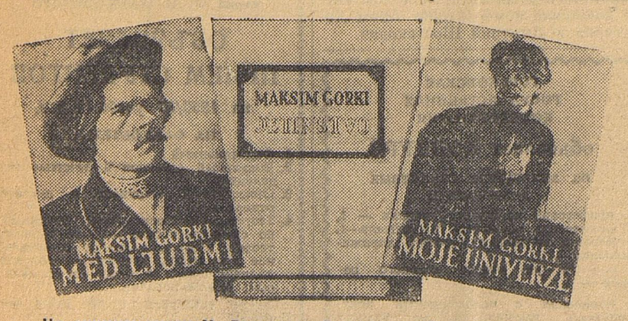
— Он хвалил этот остров...

— Да, хвалил, конечно. Но говорил, что на этом острове почти так же благодатно, как у нас на Волге в хороший летний день. ...Почти так же. — подчеркнул он.

Были и другие беседы, в которых Алексей Максимович учил нас любить и понимать свою Родину. Он говорил, в частности, что любовь к природе своей страны — это частица любви к Родине. Я часто вспоминал потом эти слова.

...Много времени прошло с тех пор, а встречи с Горьким неизгладимо живут в сердце.

А. ЖАРОВ.



На снимке: книги М. Горького «В людях», «Детство», «Мои университеты» на словенском языке, изданные в Словении. Здесь вышли также «Мать», «Жизнь Клима Самгина», а сейчас выходит том писем М. Горького.

Произведения М. Горького весьма популярны в Югославии, они изучаются во всех средних учебных заведениях.

В Загребе вышло собрание сочинений М. Горького в 30 томах, в Скопле сейчас выходит второе издание повести «Детство» на македонском языке.

Драматургические произведения великого писателя прочно вошли в репертуар театров. Так, в Любляне пьеса «На дне» была поставлена через год после премьеры в МХАТ. Поставлена здесь и «Васса Железнова».

Гастролирующий в СССР Югославский драматический театр показал «Егора Булычова». Эта пьеса идет также в Сараево. В Белградском народном театре поставлены «Враги». В репертуаре почти каждого театра Югославии имеются пьесы М. Горького.